

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Галина ЗИТНЕР

ГДЕ НОЧУЮТ ЧАЙКИ

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(477)-1
З-45

*Фотографии и иллюстрации
автора*

Зитнер Г.

З-45 Где ночуют чайки. Г. Зитнер — Друкарський
двір Олега Федорова 2024 — 64 с.

ISBN 978-617-8477-13-4

Миниповесть «Где ночуют чайки» — это история необычной дружбы двух женщин, между которыми лежат около семидесяти лет возрастной разницы. Но кто сказал, что бунтарская натура, свободолюбие и стремление к независимости присущи лишь молодым?

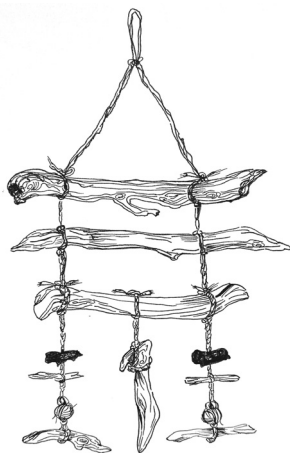
УДК 821.161.1'06(477)-1

© Г. Зитнер, 2024

© Федоров О.М., издавець, Київ 2024

Балтийское море часто выбрасывает на берег кусочки дерева, похожие на обточенные водой камушки. Подсохнув, они показывают свой древесный узор, спрятанный изначально под влажной слизью. Из них Вита мастерит украшения, которыми торгует на улицах Риги и Юрмалы. Из коротких веточек, найденных там же в тине, она создаёт музыкальные подвески для веранд и балконов. Сначала палочки долго выветриваются на солнце, пока не начинают звучать как коклюшки кружевниц: звонко и тонко. Вита подвешивает их на остатках пряжи и ниток, которыми делится с ней одна дама из ателье. На немецком языке такие подвески называются Виндшпиль, то есть игра ветра. Ветер рижского взморья не игривый, скорее очищающий, выветривающий ненужное.

В Москве у Виты была художка, компьютерные игры и анимэ. А ещё были папа — ответственный работник министерства иностранных дел и заботливая тихая мама домохозяйка. Вообще-то мама была инженер и, как говорили, окончила институт с красным дипломом, но мама вспоминать об этом не любила. По её словам, она была менеджером дома и делала всё возможное для удобного существования её ответственного мужа и воспитания дочери Виктории. Имя это Вита ненавидела, так же, как и распространённое сокращение Вика. Сама себя назвала Вита и настаивала на этом обращении.

Для своих семнадцати лет Вита объездила полмира. Благодаря папе пожила и в Таиланде и на Кубе, три года училась в Германии, в элитной школе-интернате. Английский и немецкий свободно. Цели были ясны и понятны: папа настоял на том, что получить начальное высшее образование нужно дома, ну а потом можно рвануть учиться дальше куда-нибудь в Лондон или в Берлин. Заставить пойти в МГИМО он её всё-таки не смог. Вита уперлась, и родители смирилась с факультетом дизайна, считая это девичьей блажью. Предчувствия чего-то плохого в феврале два-

дцать второго года у Виты не было: жизнь шла своим чередом. Двадцать четвёртого февраля, в свой день рождения, Вита встала очень рано и прошла босиком на кухню. Из спальни настойчиво и непрерывно зажужжал айфон. «Вот нетерпеливые!» — ухмыльнулась именинница и пошла, шаркая ногами по паркету, принимать самые ранние поздравления.

Сообщение читалось бы как неумная шутка, если бы оно не было от Никиты. Никита был уже достаточно известным в Киеве скульптором, пловцом и абсолютно серьёзным и рассудительным типом. Год тому назад он водил Виту по Киеву, рассказывая интересно и увлечённо о городе. Вита любовалась им и ловила себя на досадной мысли, что мы не толстовские барышни и в кузенов влюбляться нельзя. Даже в троюродных. Никита был двоюродным племянником мамы, то есть сыном её двоюродной сестры.

«Вита, нас бомбит Россия, в городе воздушная тревога. Вита, это война» — мерцало на экране смартфона. «Взломали? — мелькнула первая мысль. — Что за бред?» По привычке полезла за новостями в немецкие и британские новостные каналы. Не поверив свои глазам, лихорадочно стала просматривать информационные ленты всех стран подряд. Сомнений не могло быть: самый жёсткий

сюр стал, похоже, реальностью: российские танки идут в наступление через границу с Украиной.

«Маааам, Паааап! — протяжно взрыднула Вита. — Что творится? Эй, подъём!» Мама выскочила неодетая и растрёпанная к дочери, отец не появлялся ещё минут пятнадцать, а когда вышел, запакованный в красный атласный халат, то, взяв мать под локоть, увёл её обратно в спальню. Вернувшись, грузно сел в кресло и молча стал тыкать пальцем в свой телефон, не глядя на дочь. Вита, зная отца, тоже молчала, глядя, как за окном одна снежная туча пожирается другой.

— Что ты успела рассказать матери? — расклеил сжатые губы отец.

— А что ей не нужно было бы знать? — боднула в ответ Вита. — Ты знал?

Родитель медленно поднялся из кресла и, сопя, навис всей своей фигурой над ожидающе задравшей голову дочью:

— Что я говорил тебе о западных средствах массовой информации?

— Ну так и скажи мне, что всё это неправда! — без малейшей тени надежды парировала Вита.

— Не так всё однозначно, — пафосно приподнял брови папик, — и вообще, с днём рождения, малыш!

— Вита поморщилась: малышу, как бы восемнадцать сегодня, и радости начинать день с таких новостей мало.

— Всё будет хорошо, не сгущай краски. Праздник ждёт. Как планировалось, официальная часть в ресторане с семьёй, ты обещала, а потом лимузин и дача — твои, там все готовы. Мне пора, увидимся вечером. Мать не пугать! К вечеру всё уляжется. Этому своему киевскому напиши, чтоб панику не сеял.

К своему стыду признаться, празднование захватило Виту на добрых три дня. Тусили на даче друзья и какие-то друзья друзей основательно. Танцы, баня, музыканты, купание в снегу, совместный артпроект на отдельно отведённой для этого стене дома. О политических событиях почти никто не говорил, сознательно или бессознательно вытесняя тему из головы.

А тема оглушила по голове и швырнула Виту в мясорубку новостных лент, видеочатов, видеоблогов, фейсбучной ругани, твитерного треска, трясущихся рук президента всея Руси, серых лиц политиков, красных лиц телевизионщиков. Экраны отечественных телеящиков плевались, шипели, визжали, грозили расправой. Март и апрель пролетели как в угаре: кто-то из знакомых и друзей в панике бежал или пытался бежать из страны, кто-то

бодрился в бравате либо за, либо против. Периодически Виту накрывало чувство нереальности происходящего. Казалось, что вот надо только людям разъяснить, что так нельзя и все опомнятся.

Последний разговор с родителями до сих пор жжёт Виткино лицо.

В участок отец приехал за ней лично. Подписал какие-то документы и железную клетку открыли. Вита вышла на свободу с вызывающим видом, поправляя на плече разорванную куртку. Офицер что-то шепнул отцу и их быстро провели к выходу, где их уже ждал водитель Славик. Всю дорогу молчали. Мама встретила как всегда мило и сдержанно, помогла стянуть с себя верхние вещи и исчезла с ними. Вита хотела быстрее смыть с себя грязь, но отец, угрожающе сопя, ткнул пальцем в сторону гостиной и громко объявил: «Через полчаса здесь на разговор! Быть всем!» — и, не глядя на неё, направился к домашнему бару.

Родители сидели по разным углам гостиной: отец, с бокалом виски, в кресле, мать — сложив руки на колени, на диване напротив. Витке ничего не оставалось, как сесть между ними.

— Встать! — заорал отец, подавшись вперёд. — Встать, суд идёт! Ты это хотела ус-

лышать? В революционерки подалась? Хиппи заделалась? Если б не я, припаяли бы тебе десятиточку!

— С каких пор держать плакат, призывающий к миру, стало криминалом? Надо было нарисовать плакат «Даёшь войну?», — язвительно возразила дочь.

— Нет войны, нет! — визгнул отец. — Укры с америкосами волну подняли и расшатывают нашу безопасность!

— Виктор, что за выражения? — тихо вмешалась мама.

— Тихо будь! Это твои полухохлятские гены проявились! Киевляне твои ей голову морочат! И вы, глупые куры, кудахчете, не понимая, что у нашей страны великая освободительная миссия! — здесь родитель даже палец к небу воздвиг.

— Освободительная — это когда страна от оккупирующих её сил защищается. А кто на нас нападал? По всем определениям международного права, Россия пытается военным путём захватить другое государство, — пожала плечами Вита.

— Девчонка, ты меня собралась международному праву учить? — он отхлебнул одним глотком пол бокала виски и стукнул его об стол. — Вот пошла бы в МГИМО, как полагалось тебе, а не рисульками своими занималась бы, может больше соображала бы!

— Виктория, может быть папа прав и нам не понятны все глубинные процессы, приведшие к этому обострению конфликта? Всё уляжется, стороны договорятся, — мамин голос звучал примирительно.

— Да вы не понимаете, или не хотите понять, как это всё выглядит? Нападение без объявления войны с целью захвата столицы и смены власти? Ну не прикидывайтесь хоть передо мной! Моя страна агрессор, а вы о нас подумали? О моём поколении? Как нам дальше с этим жить?

Глаза родителей взирали пустотой на тираду отпрыска.

— Ну, если на то пошло, американцы очень неплохо живут с тем, что регулярно подобное делают, — отец, кряхтя, уютнее вбурился в кресло.

— А, ну конечно! Так и знала! Им можно, а мы чё хуже? Ты мне ещё эту душещипательную байку про восемь лет угнетения русских в Донбассе расскажи и полный комплект будет! И нет, и американцам не можно, и мне плевать, кто нападает, они или мы, я всегда буду против нападений и всегда буду на стороне тех, кто защищает свой дом. Жила бы я в США во время вьетнамской или иракской войны, я бы и там с плакатом стояла. Считаю меня хиппи или кем тебе угодно. Я думаю, что это просто разум и совесть.

Всё это Вита произнесла почти в потемневшее лицо родителя и не сразу поняла, что вдруг зазвенело так страшно в ухе и почему на секунду погас свет.

До этого её никто и никогда не бил, даже по попе в детстве. Все разногласия воспитания решались спокойными увещеваниями мамы и долгими поучительными беседами отца. Его в гостиной уже не оказалось, и Вита двинулась с гудящей от боли головой в ванную комнату, куда примчалась мама с пакетом замороженного зелёного горошка. «Вот, приложи пока вместо ледяного компресса, а я сейчас тебе примочки приготовлю». Вита склонилась над раковиной, оттолкнув руку матери, затем мягко вытеснила её из комнаты и закрыла за ней дверь на замок.

Сидя на унитазе и обхватив голову руками, она пыталась разобраться со своими мыслями. Жить в доме родителей или снимать жильё на их средства означало бы приспособление и подчинение. Уехать на деньги родителя ещё можно, и он, вероятно, даже охотно оплатил бы ей все расходы, угрызаемый совестью, но Виту мутило от мысли быть у него на содержании и, соответственно, держать язык за зубами, а то и ещё пуще — петь под его дудку. Дело в полиции на неё, вероятно, пока закрыли, значит, ездить она может. Пока.

Страшнее всего для неё сейчас было оказаться запертой в стране под звуки патриотических маршей, проповедей шовинизма, воплей зетовцев и победистов по всем каналам и тотального контроля информации. То, что обещанную папой «десяточку» в колонии какого-нибудь режима она легко себе заработает, Вита несколько не сомневалась. Большинство друзей уже прикусили язык, пугливо поудалили фейсбук и твиттер или сидят в сети под прикрытием ВПН. Витка не могла и не хотела представлять себе будущего, где она должна будет бояться сказать, то, что думает.

Она окатила себе голову холодной водой из душа, взъерошила полотенцем короткие волосы и вышла из ванной комнаты.

— Ужинать будем? — спросила она спокойно и деловито.

Мама, радостно подпрыгнув, засуетилась.

Ужинали почти молча. Мама рассказывала о выставке какого-то художника, отец невнимательно кивал, Вита сосредоточенно накалывала горошины на вилку. А ночью она собрала свои документы, походный рюкзак, собственную наличку и банковскую карту, чиркнула пару слов маме и сунула записку в её халат, висящий в ванной комнате. Потом она полночи лежала одетой на постели и гуглила, а рано утром, до подъёма родителей, тихо вышла из дома, прикрыв дверь.

Почему осела в Риге, она понятия не имела. Что-то зацепило её здесь. Видимо, странная смесь немецкого городка с постсоветской российской провинцией давала ей ощущение уюта и дома. Пробираясь в Германию автобусами из Питера, Вита планировала остановиться здесь на пару дней, а потом плыть паромом из Лиепая в Любек и оттуда поездом в Берлин. Благо виза годовая ещё работала. Но, побродив по бульжникам старой Риги и забравшись на бетонно-деревянные окраины, она вдруг решила задержаться.

Назойливый и хвастливый фейсбук бывает иногда полезен: среди многочисленных «друзей», которых Вита ни разу в жизни не видела, нашёлся один рижанин, пустивший её в свою пустующую квартиру на время и даже без денег. Попросил просто прибраться и помыть пол.

Лежал на этом городе удивительно знакомый сладко щемящий дух романтики. Кажется, Вита смогла для себя определить, почему здесь всё напоминало ей её любимые фильмы мастера Хаяо Миядзаки. Бело-синяя гусеница трамвая переносила Виту из одного полу реального мира в другой, картинки смешивались и накладывались друг на друга. Су-

ровые маскероны артмодерновских фасадов сменялись ганзейскими серыми крепостями, они перебивались функциональным и строгим стеклом и бетоном, рыжий кирпич спорил с серым булыжником. Затем вырастали штукатурные ампиры, с втиснувшимися среди них деревяшечками времён царской империи. И, наконец, как кариес во рту, коробки жилых домов советской застройки с убогими балконами, чернеющие запущенностью там и сям.

Именно в таком доме поселилась Вита на улице Русова среди деревянных двухэтажных бараков, белых, сверкающих новизной новостроек и разваливающихся блочных пятиэтажек. Видавший виды дом из серых панелей пестрел разномастными лоджиями и щербатыми ступенями подъездов. Вокруг дома росли дикие травы и цветы. Никем не кошенные и не подстригаемые, они достигали почти пояса, пахли чем-то из детства и тонко стрекотали разными насекомыми. Выбоины на дороге постоянно наполнялись дождевой водой, а местный рыжий кот лениво обходил переполненные мусорные контейнеры и заваливался спать под чьей-нибудь машиной.

Напротив дома был пустырь, а за ним великолепное большое озеро с непугаными птицами, готовыми забраться к тебе на ко-

лени. Витка бегала на озеро купаться среди чаек, уток и лебедей и была счастлива.

Никита писал ей часто, иногда они даже чатились по видеосвязи, хотя Вита предпочитала тексты. При виде Никиты она страшно терялась и мямлила, а он улыбался так, как будто обнимал своей улыбкой и называл её Витуся, что было неожиданно приятно. О войне не говорили, вместо этого он слал ей фотографии киевских двори́ков, сопровождая их историями реальными и придуманными. Во время одного из видео разговоров Вита выговори́ла тихо, что хотела бы снова оказаться в Киеве рядом с ним. Последнее — почти губами. Никита прикрыл на мгновение глаза и закусил губы, и, когда он их открыл, смотрели они пристально и влажно. «Витуся», — выдохнул он тихо.

Вечером неожиданно пришло сообщение от хозяина квартиры. Надо поговорить. Приехал он быстро и долго снимал обувь в прихожей. С удивлением оглядел прибранную квартирку, сел на предложенный стул и, запинаясь, начал объяснять, что стали нужны деньги, и он готов сдавать квартиру дальше за приемлемую цену. Желание вполне нормальное и неудивительное. Однако без работы и регулярного дохода Вита расписала все свои расходы наперёд. Планы

с переездом в Германию были только отложены, а не списаны со счетов.

— Слушай, не парься, всё нормально! Сдавай за сколько нужно, но я не могу сейчас, извини, — Вита похлопала парня по вспотевшему плечу.

Тот выпрямился, явно успокоившись.

— Точно? А ты куда сама?

— А я сметаюсь на море, в Юрмалу, а там видно будет. Мне в Германию вообще-то надо. Спасибо тебе огромное за приют!

На рижском взморье Вита никогда не бывала, но вполне подмосковная электричка успокаивала ощущением обыденности. На какой станции выходить Вита тоже не имела понятия, и, как выяснилось, станции под названием Юрмала не существует. Сверившись с картой, решила выйти где-нибудь посередине. Турблогеры хвалили архитектурное сооружение вокзала на станции Дубулты, Виту же больше подкупило, что этот вокзал ещё и художественная галерея. «Всегда следуй знакам», всплыла вовремя цитатка.

Белая волна вокзала обещала море, но то, что расстиралось прямо за рельсами, морем однозначно быть не могло. Тихая, широкая, заросшая зеленью река, светло-бетонный памятник архитектуры, старичок, торгующий черникой и даже очень европейского ви-

да дорога как будто дремали, иногда подрагивая во сне от звука проезжающих машин и дикого хохота чаек.

Как во всех новых местах, Вита ненавидела спрашивать дорогу и решительно направилась наугад, помня, что во всех приморских городах улочки выводят к морю. Надо только идти перпендикулярно магистрали. Вита шагала по аллее, засаженной умильного вида деревянными домиками, среди которых росли и солидные экземпляры и, как в природе водится, среди них торчали пеньками некоторые развалюшки, с плакатами о продаже, в надежде, что кто-то их купит и избавит от мучительного распада либо ремонтом, либо сносом. Улица стала подниматься кверху и впереди замаячила голубая пустота.

Немногочисленный народ, бродящий туда и сюда по кромке воды, лезть в эту воду явно не спешил, но этим рижское взморье не отличалось от остзейского побережья Германии, где Вита неоднократно бывала. Сахарный песок дюны и утоптаный, цвета тростникового сахара, песок берега, вполне синее, пусть и не лазурного цвета море, всякого вида чайки и бесконечное, совсем близкое небо, были достаточным основанием для лёгкого чувства эйфории, охватившего Виту. При виде воды Вита дурела и лезла туда при любой

погоде. Плавала она как бобёр не быстро, но основательно. Вот и сейчас, бросив огромный походный рюкзак и, снимая на ходу футболку, она смело направилась к воде. В шортах и лифчике она пошла навстречу горизонту. Вода охватила ноги почти нестерпимой ломотой, но Вита продолжала идти, нарочито топая ногами, нагоняя в них кровь. Вскоре ноги привыкли к ледяной воде, и отчаянная пловчиха двинулась вглубь, чтобы сделать там пару резких гребков и затем ринуться на берег. Очень быстро стало понятно, что рижский залив — идеальное место для не умеющих плавать. Утонуть в нём просто невозможно, ибо сколько не иди, море будет по колено! Вита оглянулась на далёкий берег, стоя всё ещё по пояс. Яркая фигура, одетая в цветной балахон, похоже, женщина с длинными седыми волосами, стояла и внимательно наблюдала за Виткиными водными процедурами. Ухнув, Вита всё-таки окунулась и проплыла пару метров по мелководью. Когда она бежала к берегу, цветная фигура уже удалилась. Полдня Вита валялась на мягком песке дюны, сушила свои шорты, развесив их на ветках кустов, солнце грело ещё очень по-летнему и волны шумели как полагается. Неподалёку Вита заметила грузинский ресторан, а рядом, к великой радости, чебуречный ларёк.

Закусив жирным и сочным чебуреком, она медленно побрела вдоль кромки воды, внимательно осматривая берег. Пора было подумать, где переночевать.

Солнце стало западать вбок и вниз за её спиной, когда Вита увидела дворец. В нормальном свете это бы был полуразрушенный санаторий или гостиница, но сейчас это был замок, таинственный и слегка зловещий. Был тот самый час, который художники и фотографы называют волшебным. В это время заходящее солнце окрашивает всё в золотой и оранжевый цвет южного загара. Любой сюжет, заснятый в этот час, становится автоматически шедевром.

Эстетика распада всегда странным образом привлекала Виту, как старость, которая бывает неожиданно красивой или печально безобразной. Стареющие дома узких улочек Италии, с разбитым ступенями и отваливающейся штукатуркой, обвитые цветами и уставленные какими-то невероятными горшочками, были обворожительно хороши в своей старости. Однако чувство омерзения и не больше, вызывают гораздо более молодые по возрасту хрущовки, старение которых напоминает опустившуюся бомжиху, где грязь и вонь ещё кое-где прикрывается ветошью.

Руина, в стиле советского барокко, была прекрасна в свете уходящего солнца, оно отражалось в остатках окон, заставляя их го-

реть. Пробившиеся сквозь крышу молодые берёзки выглядели как фантастические лианы, светлый фасад создавал контраст темнеющему небу, и вишенкой на торте белела изящная беседочка на крыше.

С твёрдым намерением попасть внутрь, Вита пошла в обход здания. Огорожено оно было очень основательно со всех сторон. Выйдя на улицу к центральному входу, она увидела таблички, которые должны были предупредить о видеонаблюдении. «Фигня!» — подумала Вита, но рисковать не стала и прошла дальше. Наконец она нашла сбоку место, где забор представлял собой всего лишь сетку. Подтащив найденный в кустах ящик, Вита приготовилась бросать через забор рюкзак, но вздрогнула от голоса за спиной и резко обернулась.

Позади неё стояла сухощавая и весьма немолодая женщина в длинном цветном

балахоне, выкрашенном в стиле батик, как футболки хиппи, седые распущенные волосы скреплялись на висках заколками в виде ромашек, ноги были в сандалиях, и через плечо висела торба грубого полотна. Женщина что-то спрашивала по-латышски, но тон был при этом вежлив, даже участлив.

Вита вздохнула, поправила зачем-то на себе одежду и вежливо объяснила по-английски, что она никого не хотела беспокоить и страшно извиняется. Женщина ответила неожиданно на чистейшем нглийском с сильным американским акцентом, что во все не хотела её пугать, а просто интересуется, нельзя ли чем-то помочь. В этот момент деревянный ящик не выдержал, и Виткина нога провалилась сквозь грязные и скользкие доски.

— Чёрт! — вскрикнула Вита. Нога застряла в ящике, и кровь сочилась из многочисленных царапин.

— Не шевели ногой, стой спокойно! — приказала ей женщина.

Всё ещё в лёгком шоке от боли, Вита не сразу сообразила, что теперь незнакомка говорит с ней на русском языке.

Идею с ночёвкой в руинах пришлось отложить. Вита прыгала на одной ноге,

опираясь на плечо её неожиданной помощницы. Она шла медленно, часто останавливаясь и внимательно глядя на Виту. Та, в свою очередь, упорно смотрела себе под ноги и только время от времени корчила гримасу от боли.

Жилище пожилой дамы не был дворцом, скорее наоборот. Оно напоминало избушку на курьих ножках тем, что со стороны фасада на всю ширину растянулась терраса на деревянных столбах-сваях. Вообще весь дом был из дерева, покрашенного когда-то в голубой цвет, но сейчас краска порядком облупилась, и везде проступали коричневые пятна, что делало домик похожим на яйца птички малиновки или певчего дрозда. Вита делала в прошлом году проектную мозаику из битой скорлупы и тогда-то и восхитилась невероятной бирюзой и голубизной хрупкой скорлупы неизвестных ей доселе пернатых. В подтверждение общей картины повсюду висели и стояли керамические, деревянные, вязанные, металлические и вообще всякого рода птички. «Птичий дом», — мелькнуло у Виты в голове.

— Ну и что же ты хотела в старом санатории? — с лёгкой усмешкой поинтересовалась хозяйка скворечника.

Раненая нога уже стояла в тазике с тёплой водой, и женщина осторожно промывала царапины мягким полотенцем.

— Где-то надо было заночевать, ну и приключений наверное захотелось, — хмыкнула Вита.

— О, да, приключение ты себе нашла, — добро засмеялась её спасительница. — Оставайся уже у меня, я одна живу. Зовут меня Кайя.

Вита благодарно кивнула. Новая знакомая излучала тепло и спокойствие.

— Я Вита, — представилась она.

Кайя неожиданно замерла, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя:

— Вита! Вита означает жизнь. Это прекрасно. Оставайся, Вита, — повторила она.

И без того низкое небо взморья несло облака над самой макушкой головы, частые дожди разогнали последних праздношатающихся и к холодным цветам юрмальской палитры стали примешиваться тёплые оттенки охры, янтарного и оливкового цвета, кое-где проявлялась медь и сочный бордо. Вита затягивала капюшон ветровки под подбородком и была похожа на телепузика из детского сериала. Кайя не прикрывала свои седые длинные локоны и ветер трепал их радостно и беспощадно. Кайя была одета в длинную пёструю юбку и старую, по всей видимости, рыбацкую, куртку.

— Смотри, что я тебе говорила? Днём они повсюду разгуливают, летают, а к вечеру ни одной чайки не видно! Где ночуют чайки? — возбуждённо прыгая вокруг Кайи, вопрошала Вита.

Нога давно зажала, а Вита, незаметно для себя, прижилась в гнёздышке цвета дроздовых яиц.

— Где ночуют чайки? — задумчиво протянула Кайя. — В самом деле, занятный вопрос. Есть у меня одно предположение. Хочешь, пройдем туда берегом, до вечера как

раз успеем, а обратно автобусом. Часа два, наверное, пешком получится, километров десять отсюда. Дойдёшь?

— Легко! — Вита изобразила ногами, обутыми в резиновые сапоги, какое-то подобие матросского танца.

— А как, кстати, будет чайка полатышски? — Вита шла, загребая песок сапогами.

— Я уже думала, когда же ты спросишь? — хитро улыбнулась женщина. — Чайка — это Кайя! Редкое имя в Латвии, но родители были оригиналы. И, видимо, не ошиблись в имени. Всю жизнь меня тянет летать! Пилотом стать мне не довелось, а вот стюардессой я полетала. Бросила иняз и отправилась на самолёты. Папа был очень сердит на меня, и мне даже пришлось тогда переехать в общежитие.

— С папой очень понимаю, — Вита пнула мокрую шишку в воду, — значит хороший английский оттуда? Но ты вообще без акцента говоришь, причём на американском.

— Потому что американка! — хохотнула Кайя. — Муж, дети, внуки все в Калифорнии. Дом, в котором мы сейчас с тобой обитаем, был домом родителей папы. Дедушка был рыбак и очень гордился, что папа выучился

на инженера, а бабушка в местной библиотеке работала. Я здесь всё свободное время проводила, все каникулы здесь жила.

— То есть, у тебя сейчас тоже что-то вроде каникул на родине?

— Нет, Вита, сбежала я. Семья не знает, где я. Этот дом я никогда своему мужу не показывала. Он бывал в Риге, но не здесь на взморье. Не знаю почему, но берегла этот уголок для себя в тайне.

Вита встала перед Кайей, перегородив ей дорогу и расставив руки, как будто для объятия.

— Кайя, милая, как же так? Муж деспот? А дети, внуки? Почему никто не помог?

— Упаси господь! У меня прекрасные дети и любящий муж! — энергично возразила Кайя, — всё намного сложнее, мне трудно объяснить.

— Тогда я точно ничего не понимаю. Они же беспокоятся наверняка, с ума сходят от страха.

— Я обо всём позаботилась. У меня есть доверенное лицо в Калифорнии, которое регулярно сообщает им, что я в порядке. Понимаешь, у них у всех своя жизнь: муж всё ещё активен в фирме, дети успешные продолжатели и постоянно в деле. Они все честные и трудолюбивые люди, самостоятельно по-

строившие бизнес, но мне стало там тесно и пусто одновременно. Можешь ты себе это представить?

— Кажется, могу. А как ты очутилась в Калифорнии?

— По воздуху добралась, — засмеялась Кайя. — Нет, серьёзно, я с мужем в воздухе познакомилась. Мы в 1957 году много иностранцев перевозили. В Москве в это время проходил международный фестиваль молодёжи и студентов, и он был в составе делегации США. Меня послали в Москву, обслуживать рейсы. Бен, увидев меня в самолёте, не спускал с меня глаз, просил то чай, то воду, то газеты, а после рейса сбежал от своей группы и нашёл меня в аэропорту. Подждал меня у служебного хода с милицией. Он переполошил там всех в аэропорту, требовал пилота и стюардесс рейса. Милиция, агенты, переводчики и вообще не знаю кто собрались, а Бен их уверил, что ему срочно нужно взять интервью у пилота и стюардесс, что завтра будет поздно и газета ждёт. Он тогда газету студенческую, сильно левую представлял. Волнение поднял большое, но тронуть его никто не смел, так как у всех был приказ обращаться с иностранцами с пониманием. В общем, выходим мы из служебного выхода, а там це-

лая толпа и тот улыбчивый американец! Пилота он для виду на месте проинтервьюировал, сфотографировал нас всех, а потом заявил, что ему нужен репортаж о советской молодёжи и что он хотел бы подробней поговорить со мной. Как я, юная девушка, работаю на больших самолётах. Я назначила ему встречу на Чистых прудах. Перед встречей меня ещё долго «обрабатывали» какие-то люди в кабинете начальства, объясняли, что говорить, а что нет, а я просто трепетала от волнения, потому что с первого момента поняла, что этот парень просто хочет видеть меня. На нашем первом свидании у меня пальцы бешено дрожали, и я держала руки за спиной, а в животе замирало так остро, что я боялась сознание потерять.

— Судя по детям и внукам, вы прожили вместе долгую жизнь. Кайя, милая, это лучшая Lovestory, из тех, что я слышала до сих пор!

— Да, именно Love and Peace проповедовали мы тогда с мужем, — мечтательно глядя на воду протянула Кайя. — Поженились мы в Москве два года спустя, потом я ждала разрешение на мой выезд дома в Риге. Ну, а когда я наконец к нему перебралась, то едва избежала депортации в на-

ручниках обратно, представляешь? Я в на-
ручниках!

Глаза Кайи сверкали озорством и молодостью.

— Боже, что ж ты там наделала? Революцию совершить хотела? — В голове вдруг резанул голос отца: «В революционерки подалась?»

— В какой-то мере мы хотели перевернуть общество, да. Открыть людям глаза хотели. Америка тогда войну во Вьетнаме начала, а мы с Беном и его друзьями эту войну в нашей газете разоблачали, протесты организовывали, марши, пикеты. Вот и забрали меня в один из таких дней в полицию, хотели выдворить из страны.

— Круто то как! Прикинь, меня ж за то же самое забирали!

— За Вьетнам? Каким образом

— За Украину, конечно! У нас теперь свой Вьетнам! Я тоже пыталась до мозгов людей достучаться. Но сдалась, бежала позорно и тайком. Как же ты ушла от депортации? Нашлись влиятельные люди?

— Нет! Бен вёл мою защиту самостоятельно и отстоял в суде наше и моё право свободно выражать своё мнение.

— Ну да, суд, право на свободу слова. Понятно и просто.

— Совсем не просто. Давление на мужа было невероятным: Левый пацифист, женатый на женщине из Советов. Получается не патриот.

— Из любви к нему ты подверглась опасности, вас могли разлучить...

— Стоп! Ты думаешь, я поддерживала протесты только из любви к мужу? Это было наше общее убеждение! Люди гибли, неповинные люди гибли ни за что! Как мы могли молчать?

Вита вдруг отвернулась, спазм сдавил горло и вдруг откуда-то набежали слёзы. Она даже присела прямо на мокрый песок.

— Девочка моя, прости, я тебя обидела? Ты такая смелая и умная девочка.

Вита, всхлипывая, мотнула головой.

— Да нет. Просто, что же это такое происходит? Там тоже люди... гибнут. Там Никита... они же свой дом любят, свою страну защищают, а их бомбами лупят...

Кайя с трудом, похоже, преодолевая боль, опустилась рядом с Витой, обняла и начала легко покачиваться, как будто баюкая девушку.

— Никита? Расскажешь мне о нём? Только сейчас ты помоги мне, пожалуйста, подняться и мы уже почти пришли.

Если бы Вита верила, что можно дойти до края света, то это место было бы в десятке лучших кандидатов. Берег залива вдруг резко сузился, превратившись в острый угол. С одной стороны угла бурлила река, а с другой всё ещё спал рижский залив. Позади заросшие всякой зеленью дюны, а впереди рваная линия берега реки, покрытая густым лесом. Загнанность в угол дополняло низкое небо, такое типичное для Латвии. Но здесь оно почти лежало на голове, видимо из-за нависших серых дождевых облаков. Вся полоска суши была заполнена несметным количеством самых разных видов морской птицы. Чайки двигались неспешно или вообще стояли замерев, а вот какие-то маленькие птички на тонюсеньких ножках-спичках, суетливо тюкали клювиками в болотистые лужи.

— Вот, — Кайя провела рукой по воздуху, — где ночуют чайки. Люблю это место, люди сюда редко забираются. Спасибо, что дошла со мной сюда.

Кайя и Вита ещё молча посидели, обнявшись, на стволе сухого дерева, наблюдая за птицами, потом, так же молча шли через лес к автобусной остановке и, так же без разговоров, ехали домой. Кайя стара-

лась выглядеть спокойной, но лицо было напряжённо и губы плотно сжаты, складка между бровями стала ещё глубже и искривилась. Последние метры до дома Вита почти тащила её на себе, ноги Кайи подкашивались и она начала тихонько постанывать. Вита мысленно проклинала себя за дурость. Два часа пёхом со старым и явно больным человеком! Возраст Кайи не был до сих пор какой-то проблемой: стройная и поджарая, она производила впечатление крепкого и стабильного человека. Сколько ей было? Судя по датам, должно быть около восьмидесяти или больше. Но ясность ума и твёрдость походки обманчиво молодили.

Уже и раньше Вита замечала, что Кайя принимает какие-то медикаменты, но кто в её возрасте без них живёт? Сегодня она собрала целую горсть в ладонь и отправила её в рот, запив яблочным сидром из холодильника. Вита помогла ей улечься в её любимое кресло-кровать и Кайя попросила достать со шкафа цветную жестяную банку из-под печенья. Полулёжа в кресле, Кайя деловито открыла банку, и по дому разнёсся сладковатый и очень знакомый запах. В банке аккуратно лежали пакетики с травой и готовыми закрутками, а также ещё бумага, фильтры, гриндер, зажигалка. Вита

молча офигевала, но боялась сказать лишнее, видя лицо Кайи.

— Девочка моя, мне сейчас необходимо покурить, тебе не предлагаю, не обессудь. Марихуана отличный анестетик, а мне, как ты видишь, не очень хорошо.

— Да ради бога, о чём речь! Не ожидала просто. Хотя если вспомнить о твоей молодости...

— Ах, тогда мы покуривали, чтобы «расширить своё сознание», — Кайя криво ухмыльнулась, — сейчас я просто хочу снять боль и поспать. Не переживай, я счастлива, что сходила с тобой туда, где ночуют чайки. Завтра буду снова на ногах.

О смерти Никиты Вита узнала из интернета. Немецкий журнал Штерн опубликовал его лицо и заголовок: «Молодой и талантливый киевский скульптор погиб на войне». И статья о том, какие большие надежды он подавал. А Вита смотрела на свой телефон и думала: «Ну чушь какая-то! И фотографию где-то нашли!» Последние звонки, правда, постоянно срывались, но ситуация понятна. В трясущихся руках и с холодом в животе Вита понесла свой телефон к Кайе, сидевшей перед домом в кресле под тёплым толстым одеялом. Молча поднесла к её лицу экран:

— Это Никита. Его больше нет.

Затем она осела, шмякнулась на пол рядом с креслом Кайи и стала тихо выть, обхватив колени руками. Кайя молча гладила её плечи и волосы. Потом они сидели на деревянной качели, укрывшись толстенным ватным одеялом и курили джойнт, передавая его друг другу. Оцепенение и покой постепенно охватывали Виту, Кайя пела ей полушёпотом какую-то колыбельную песенку на латышском языке, лёгкий морозец пробирался к ногам и к ушам. Заканчивался октябрь и день этот угас тихо сам по себе.

— Кайя, дорогая, мне придётся ненадолго уехать, — Вита стояла наутро босая посре-

ди комнаты с решительным и грустным лицом. — Моя виза шенгенская истекает, и мне срочно нужно что-то предпринимать, иначе меня отправят обратно в Россию. Я вернусь, я тебе клянусь, что я к тебе вернусь. Я вернусь и тогда останусь с тобой. Я всё обдумала, поверь. Короче я еду в Германию, поступаю там на подготовительные курсы в университет, продлеваю визу и возвращаюсь к тебе! Это сработает, я тебя уверяю!

— Девочка моя, да как же я могу тебя задерживать? Лети, расправляй крылья, за меня не переживай. У меня дом, море, сад. Справлялась и справлюсь.

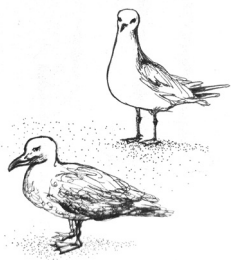
— Каюшка, я правда ненадолго! Месяц или два на это уйдёт, ты меня жди, пожалуйста!

— Придётся, — Кайя усмехнулась и протянула Вите руку, приглашая её присесть к ней на край кресла-кровати. — Птичка ты моя, тебе лететь, мне гнездо охранять.

Несколько следующих дней прошли в сборах и подготовке, прощание было коротким: женщины обнялись, и Вита зашагала к станции без сопровождения.

План работал как часы: автобус из Риги в Лиепая, здание порта, похожее на провинциальный автовокзал, краны и огромные машины, въезжающие в открытый зад парома и вот Вита уже плывёт на кораблике по морю

на пути в Германию. Серое балтийское море куда ни глянь и перехватывающий дыхание, сшибающий с ног ветер на палубе выбивали все мысли из головы. Стоять на палубе совершенно невозможно, но Вита стояла подолгу, вцепившись в борт и захлёбываясь

собственным дыханием. Внутри вполне уютного парома бродили преимущественно водители дальнобойщики и семьи с детьми. Вита устроилась спать в своём дешёвом спальном кресле

и снились ей разноцветные чайки в вязаных носках.

* * *

В Любеке Вита пересела в поезд до Берлина, где сейчас проживала её бывшая одноклассница Даниела. Связь с ней Вита никогда не теряла, а сейчас была просто счастлива, что та моментально откликнулись на просьбу, пустить на пару дней пожить у неё. Мама Даниелы когда-то вышла замуж за очень известного немецкого писателя и отчим претендовал на полную и безапелляционную подчинённость его делу и его ритму жизни от всех домочадцев. Даниела была от-

правлена на учёбу в дорогой интернат и имела право появляться дома только на выходных. Если у родителей был важный приём или поездка, то и субботу с воскресеньем она проводила в школе. Вите, которой некуда было ехать, она составляла компанию в эти дни, когда коридоры и комнаты пустели и в столовой работало только маленькое дежурное окошко. Дочка российского дипломата и приёмная дочь немецкого писателя стали лучшими подругами, сплочённые своей дорогой заброшенностью.

Даниела ждала Виту на вокзале, девчонки запрыгали, ухватившись за руки как в школьные годы и, приобнявшись, поехали по зигзагам эскалаторов вверх по огромному аквариуму берлинского вокзала.

Квартиру Даниела делила с двумя другими студентами. У каждого по комнате, общая кухня и общая душевая с туалетом, потолки высокие с лепниной. Райончик так себе: шумненький, грязненький, пёстрый Веддинг, но лестничные пролёты в доме были старинные, с деревянными ступенями и перилами с резьбой. Внутри дома было тихо и чинно.

Девчонки устроились на кухне, Вита забралась с ногами в потёртое и просиженное кожаное кресло, Даниела в той же позе на та-

ком же обшарпанном диване. Бутылка пива в руке, чипсы и орешки на столе — собственно вся еда. Сидели они уже долго, говорили обо всём, но больше о том, что произошло с Витой и её миром. Стало смеркаться, но свет не включали. Неожиданно вспыхнул верхний свет холодной лампы в коридоре, и в дверях на кухню предстала длинная фигура молодого человека. Молодой человек молча осматривал девушек.

— Привет, Филипп! Это Виктория, точнее Вита, она из Москвы. Моя подруга по школе-интернату. Она поживёт со мной пару дней. Вита, это Филипп, мой сосед по квартире, он студент-политолог.

Вита помахала Филиппу рукой, не вставая, и улыбнулась. Улыбка осталась без ответа, юноша кивнул, развернулся и скрылся где-то в недрах квартиры. Через несколько минут он вновь появился на кухне и молча встал перед креслом, в котором свернулась калачиком Вита. Расправив грудь, он явно демонстрировал ей нечто на своём несуществующем животе. Вита лениво потянулась вверх, чтобы разглядеть предмет. На футболке был напечатан корабль и сверху надпись «Русский», под кораблём стояло «иди на хуй!» Короче: русский корабль иди на хуй! Ну понятно, известный мем, и что этот юноша хочет ей, Вите, этим сказать?

Даниела хихикала, принимая позу своего соседа за какую-то шутку, Вита выпрямилась в кресле.

— Слушай, а что там у тебя написано? Вита, что там? Я же не читаю по-русски!

Вита внимательно вгляделась в тёмно-русого и слегка загорелого парня, тот стоял молча, чуть набычив голову и так же внимательно всматривался в лицо Виты.

— Ну и что ты себе при этом думал, демонстрируя мне это? Я корабль? Я должна сваливать?

То, что Вита свободно и без акцента говорила по-немецки, по всей видимости, слегка сбило с толку молчаливого гостя, но тот не тронулся с места.

— Кто должен сваливать, куда сваливать? Это он так сказал? Филипп, что происходит?

Даниела, подпрыгнув на месте, закрутила головой, глядя то на Виту, то на соседа. Те, в свою очередь, изучали друг друга, один с упрямством, другая с вызовом в глазах.

— Москва — это агрессор, угрожающий всему мирному мировому сообществу и ты для меня представитель Москвы, которому я хочу высказать своё возмущение вашей политикой, — разжал таки губы Филипп.

Вита захлебнулась в собственном недоумении и обиде, не веря, что это ей брошены обвинения в агрессии, откинулась в кресле, пытаясь сообразить, что можно в этом случае ответить. Бить себя пяткой в грудь и доказывать, мол я не такая? Рассказать ему слёзно о своём бегстве из дома и страны? Пожаловаться на мента, который тащил её за волосы во время протеста? Или послать его просто в ответ? Судья доморощенный!

— Ты спятил? Кто тебе позволил на моих гостей нападать? Иди перед воротами бренденбургскими демонстрируй, перед посольством русским, в конце концов! — Дани наконец сообразила, что происходит и стояла теперь перед Филиппом, отгораживая его от подруги. Тот мотнул головой, посмотрел ещё раз на Виту, которая сидела теперь выпрямившись и закусив нижнюю губу, глядя куда-то перед собой, затем вздохнул и тихо вышел. Даниела вышла за ним вслед, и Вита осталась одна. Одна. Одна за всех нести ответ. Или искать дальше. Что пошло не так на родине и как дальше с этим жить.

— Я идиот, — слышалось за спиной, — прости, я не знаю, какая муха меня укусила, я так хотел кому-нибудь из Москвы сказать, что я думаю, пожалуйста, прости, это тупо. Вита только наклонила голову, ничего не от-

вечая, Филипп подошёл и сел напротив, пытаясь поймать её взгляд.

Я умоляю, пожалуйста! Давай забудем мою глупую выходку! Я Филипп, а ты? — он протянул Вите руку, рука повисла, и он потряс ею коротко. Вита неохотно протянула руку навстречу, он радостно пожал её.

— Меня Вита зовут, — медленно произнесла она, — вообще-то Виктория, только я победе жизнь предпочитаю, понимаешь? И Даниела права: возмущайся там, где есть виновники твоего возмущения.

— Прости, я же сказал, я дурак, я ничего не знаю о тебе и я уже давно хотел с кем-то оттуда, из России поговорить. Я думал ты будешь защищать Москву.

— Конечно, буду! Послушай, я русская, я москвичка и страну свою люблю.

Филипп при этих словах как-то глупо приоткрыл рот, нахмутив брови. Выглядело это весьма по-детски.

— Да, представь себе! Ни Россия, ни Москва, ни русский язык тем более, не принадлежат политикам, люди им тоже не принадлежат. Я русская, но я не военный корабль, понял?

Какое-то время они сидели молча. Филипп отпивал пиво из оставленной Даниелой бутылки пива, Вита смотрела в свой телефон.

Даниела куда-то пропала, слышно было, как пришла ещё одна девушка, проживавшая в квартире. Наконец Филипп поднялся, протянул вновь руку.

— Спокойной ночи, я рад, что познакомился с тобой. Если позволишь и захочешь, я пригласил бы тебя побродить по городу. Можешь пока не отвечать.

Уходя, Филипп слегка задел плечом косяк и хлопнул слегка по нему как будто с досады.

Вернулась Даниела со второй соседкой, которая оказалась наполовину вьетнамкой, рождённый в Германии, весёлой и остроумно смешливой. Девчонки сидели ещё долго за полночь и разговоры лились лёгкие и несерьёзные как прохладный просекко.

Последующие дни прошли в хлопотах по отсылке документов, разных необходимых поездках, звонках, сидению за компом. Даниела помогала во всём, где могла. Процедура поступления и продления визы явно затягивалась. Кайя писала, что она в порядке и слала смешные картинки по ватсап. Ещё в Юрмале Вита научила Кайю пользоваться смартфоном на продвинутом уровне и Кайя с радостью любознательного ребёнка легко освоила предмет. Дни превратились в недели, Даниела настояла, чтобы Вита оставалась у неё, жилья в Берлине не найти. Переборов себя,

Вита была всё же вынуждена воспользоваться карточкой, деньги таяли, несмотря на всю экономность, а жить у подруги, ничего не внося в общий бюджет, она не могла себе позволить. Ладно, пусть папик отследит операцию на карте и узнает, что она в Германии. Хотя мама успокоится, что дочь в безопасности и вообще жива. Беспринципно, конечно, брать папины деньги, но эх...

С Филиппом они сталкивались периодически на кухне, тот с готовностью и приветливо здоровался, Вита кивала в ответ, иногда даже перекидывались незначительными фразами.

* * *

Город постепенно входил в рождественский модус: сначала появились сезонные сладости в огромных корзинах, пирамидах, полках или просто в развалах, где можно было порыться в упаковках пряников, шоколадок и прочего высококалорийного питания. Резко возросло преобладание красного и зелёного цвета, золотом и серебром также щедро заблестело всё, что можно. Интенсивно запахло шоколадом, корицей и цитрусовыми.

Торговый центр Гезундбруннен тоже вырядился по поводу приближающегося Рождества, хотя в берлинском районе Веттинг количество исповедующих христианство явно уступает числу последователей учений Мухаммеда. Многочисленные матроны в длинных и просторных платьях, в платках, с детскими коляскам или без детей, чинно бродили среди всей этой рождественской мишуры. Здесь, как нигде в другом месте, праздник терял своё сакральное значение. Нагнетание радости и предвкушения счастья даже срабатывало, ведь трудятся над этим профессионалы, явно не зря, но читалась на лицах и какая-то растерянность или неуверенность. А что празднуем? Полагается так, вот и радуйся!

Как обычно Вита хотела пройти мимо Филиппа, вежливо пожелав доброго утра, но он неожиданно окликнул её по имени. Они стояли на кухне, Вита с тарелкой в руке.

— Вита, постой, разговор есть. Я слышал, ты дизайнер, а одному знакомому сейчас очень нужно афишу сделать. Он платить не может, но может оформить тебя волонтером. Понимаешь, волонтеры получают деньги на карманные расходы от государства, а главное регистрация официальная что-то типа трудоустройства. Я сам так работал, но больше года нельзя.

Голос Филиппа звучал взволнованно, говорил он торопливо, как будто боялся, что Вита, не дослушав, уйдёт. Но она слушала внимательно и спокойно.

— Ты знаешь, это даже очень кстати, спасибо. Давай тогда номер своего знакомого.

— А я с ним сегодня в торговом центре договорился о встрече, пойдём просто вместе, познакомлю!

Вот так бывает, что-то откуда-то всплывает, ухмыльнулась Вита про себя, почти уверенная, что это уловка Филиппа, чтобы наладить с ней отношения. Ну и ладненько!

В кафе торгового центра их и в самом деле ждал человек, поднявшийся им навстречу

из-за стола. Невысокого роста, жгучий брюнет в прошлом, слегка седеющий, с выразительными тёмно-кариыми глазами и тёмной полоской усов. Усачей в наше время почти не найти и Вита невольно стала присматриваться к новому персонажу. Филипп представил своего знакомого как замечательного музыканта, композитора и литератора, на что тот скромно пожал плечами, отведя взгляд как бы торопясь перевести разговор на другую тему.

Поздоровались по-немецки, но Вита быстро уловила в речи усатого брюнета славянский акцент. Из уважения к Филиппу продолжали беседу по-немецки, пока тот не извинился и, сославшись на встречи в другом месте, удалился.

— Давайте уж теперь по-русски, — первым делом предложил музыкант.

Вита загуглила его имя потихоньку под столом, пока они разговаривали с Филиппом и ахнула от обилия ссылок на разных сайтах. Дяденька-то именитый!

Тот, в свою очередь много и с энтузиазмом рассказывал о своих музыкальных проектах, о своём джазовом ансамбле и музыкантах.

— В общем, Вита, я рад, включайтесь в работу, я пришлю вам все необходимые для

работы фотографии, а мне необходимы некоторые ваши данные для скорейшего оформления. У нас уже есть опыт сотрудничества с волонтерами из других государств.

— И то, что я из Москвы тоже не проблема?

— Отнюдь! Вам, что пришлось столкнуться с негативным отношением? Я, представьте, не испытываю его на себе. Я понимаю чувство стыда, связанное с принадлежностью и необходимостью определять свои позиции. Но мой коллектив многонационален и есть в нём и русские, и украинцы, и немцы, и израильтяне. Сам я литератор, пишущий на русском языке, родом из Риги и русский язык для меня родной. Должен заметить, что, по моему мнению, самый жестокий удар Россия нанесла своей войной по собственной культуре и языку. Но к счастью язык и культура — это не политическая или географически единица. Язык не имеет границ или хозяев. Глуп тот, кто привязывает его к каким-то преходящим и временным событиям.

Вита выдохнула благодарно и засмеялась:

— Спасибо, это как пластырь на мою поцарапанную душу! Кстати про Ригу: мне не-

обходимо будет срочно туда вернуться, как только вы меня оформите.

— Подождите, не понял? Вы же из Москвы?

— Так и есть, но теперь мне срочно нужно в Ригу, точнее дальше в Дубулты. Там меня человек замечательный ждёт, человеку нужна моя помощь.

— Вот теперь я дара речи лишился! Мало того, что Рига мой родной город, да ещё и Дубулты, куда я периодически езжу! Есть там дача писательская. Ну так это же прекрасно, вы сможете работать оттуда с нами по удалёнке, как сейчас, модно говорить. Значит, ваш молодой человек латыш?

— Не молодой человек, а старенькая женщина, латышка, с потрясающей судьбой, лучшая подруга моя, можно сказать. Я должна к ней.

— Гениально! Обязательно расскажете потом. Я потороплюсь с документами, обещаю.

Слегка одурев от впечатлений, Вита побродила после разговора ещё какое-то время по торговому центру и зачем-то купила ароматную свечу в стеклянной баночке, с каким-то терпким запахом хвои и моря.

Музыкант сдержал слово, регистрация не заняла много времени, и теперь можно было не торопясь заниматься и поступлением на подготовительные курсы, и думать о дальнейшей учёбе. Новенькая виза аж на целый год была в кармане, и Виту распирало от гордости, что вот она сама, без протекции добилась всего. А главное, теперь можно спокойно лететь к Кайе, с немецкой визой её из Латвии в Россию точно не шуганут.

Кайя приболела, писала, что зимой мало выходит на улицу, но соседка охотно навещает её и помогает по дому и с продуктами. Всё это волновало Виту и она рвалась домой. Она даже не удивилась своему новому ощущению дома, так естественно оно пришло.

С тех пор как Вита пустилась в бега, она вытащила свою сим-карту из телефона, заменив на простенькую предоплатную. В Латвии взяла латышскую, в Германии немецкую. Она не хотела, чтобы родитель отслеживал её передвижения и местонахождение. Теперь предки наверняка в курсе, где она. След кредитки им будет виден и, кроме того, мысли о матери терзали Виту время от времени и скребли по сердцу. Бурно попрощавшись с подругами (Тина, вторая соседка быстро выросла

в компанию) и даже обнявшись с Филиппом, Вита сидела в аэропорту, ожидая рейс и теребила в руках пакетик с сим-картами. Кто сказал, что её московская симка вообще ещё рабочая? Может, и не оплачивает её уже никто давно. Неожиданно для себя, трясущимися пальцами Вита произвела замену карты и ткнула в мамин номер. Гудки продолжались довольно долго, прежде чем соединение произошло, но вначале никто не ответил, только что-то зашуршало, как будто даже упало и потом мамин голос, но гулко с эхом, явно на громкой связи: «Вика? Это ты? Вика?»

Вита поморщилась слегка, но мама всегда упорно называла её либо Викой, либо Викторией.

— Мам, привет, — хриловато произнесла она. В телефоне ещё больше зашуршало. Наверняка отец слушает на громкой, и мама машет ему, чтобы тот не двигался.

— Как ты, где ты? Деточка моя, я вся измучилась, не зная, что с тобой!

— Всё нормально, мам. В Германии я. В институт поступаю. Визу продлили, подработку нашла.

То, что она в этот момент, в самом деле, собирается покинуть Германию, Вита естественно и не собиралась говорить. Пусть успокоятся родители.

— Какая же ты молодец, как мы за тебя рады! Ты всё правильно делаешь, вот и папа так считает! Мы твой телефон продолжали оплачивать, надеялись, что позволишь нам.

Ах вот как! Значит, она молодец? Какая муха предков укусила?

— Ты учись, мы тебе поможем, карточка у тебя есть, устраивайся там.

— Мам, не надо помощи! Я хочу сама. Я вам на самом деле благодарна за многое, что вы мне дали. Не всем так повезло. Я, правда, не хочу висеть на вашей кредитке, честное слово, беру в последний раз. Я вообще звоню сказать, что у меня всё хорошо, чтобы вы не беспокоились, но оставаться с вами запертой в стране, где мне не дают сказать, что я думаю, я не могу.

— Дочь, послушай, — вмешался вдруг голос отца, — я хочу извиниться за то, что сорвался. Извиниться и высказать тебе уважение. Не удивляйся, но для меня это много значит, что ты показала характер. Не ожидал. Поступай как хочешь. Карту и кредитку оставь себе на всякий случай, вдруг туго станет. Не пропадай только совсем, я тебя умоляю!

Вита была готова к слезам, упрекам, вопросам, даже угрозам, но не к этому тону.

Чувство, как во время экзамена, когда зубрила ночи напролёт, шпаргалки готовила, тряслась перед сдачей, а тебе вопросы попались, которые ты и в коматозном состоянии ответить могла бы. Однако, всё что она сумела, так только проямлить «Хорошо, пока!» и присесть, слушая наступившую пустоту внутри. Ещё одно ощущение примешалось, которое испытала в детстве, когда училась на велосипеде ездить. Папа бегал за ней, держа её сзади за сиденье велосипеда, и кричал: «Крути педали, держи баланс!», и вдруг голос его остался где — то позади, Вита ощутила его отсутствие за спиной и крутила педали изо всех сил, вихляя великом туда-сюда, но ехала!

* * *

В Ригу Витка летела. И в прямом и переносном смысле. Последний отрезок поездки из Риги в Дубулты в стучащей электричке она перепрыгивала с места на место от нетерпения. Подмёрзший перрон скользил, и Вита чуть не грохнулась о землю, выпрыгивая из поезда. Нога неприятно хрустнула и заболела. Да что же это такое! Этого ещё не хватало! Не обращая внимания на боль, смешно размахивая сумками для баланса и прихрамывая, Вита поскакала к до-

мику на курьих ножках. Уже через изгородь Вита увидела Кайю, укутанную в овечью шкуру и одеяло, сидящую на качелях. Кайя увидела её тоже и наблюдала внимательно с весёлым прищуром странное приближение Виты.

— Скажи, пожалуйста, ты традиционно теперь будешь ко мне с подбитой лапкой возвращаться? — крикнула она приветственно.

— С подбитой лапкой, но с не сломанными крыльями! — весело крикнула Вита в ответ.

Подбежала, обхватила хрупкую фигурку, покрытую одеялами. Кайя, казалось, совсем потерялась под ними.

Так, обнявшись, они пошли в синекоричневый домик. Кайя озорно улыбалась глазами, а сильно ввалившиеся щёки растягивали улыбку губ и собирали её под выпирающими скулами. И без того сухощавая, она ещё больше похудела. Но ничего, Вита её приведёт в порядок!

Вечером Вита собирала разбросанных по всему дому птичек и развешивала на каком-то подобии ёлочки, которую она притащила из сада. Вместо дождя и мишуры она намотала цветную пряжу, а макушку обернула блестящей фольгой от шоколада. Кайя улыбалась блаженно и писала что-то в своём блокноте. Рождественско-новогодний

ужин (обязательные даты были Вите всегда не особенно важны) булькал в виде курицы в кастрюле и источал божественные ароматы. А потом Вита кормила Кайю шикарнейшим куриным бульоном, курочка в котором разварилась и стала мягкой как пюре, даже куриные косточки стали мягкими. Кайя мурлыкала песенку на латышском языке и лучилась каким-то невероятным внутренним светом.

Ночь была прохладной, и Вита уговорила Кайю перебраться из её кресла-кровати на диван. Полночи они разговаривали обнявшись. Вита рассказывала подробно и в лицах о своём путешествии, Кайя внимательно

слушала. Где-то под утро Кайя положила голову на плечо Виты, вздохнула и притихла. Вита отключилась где-то на полуслове и даже легко всхрапнула, но испугалась, что разбудит Кайю, и тихонько повернулась набок.

Спала Вита долго, пока солнце не доползло до верхнего окошка и стало упорно светить сквозь веки. Несмотря на шкуры и одеяла в постели было прохладно. Вита повернулась лицом к Кайе, та спала с той же умиротворённой улыбкой на тонких губах. Вита погладила её по голове.

— Засоня! Ты не замёрзла? Голова какая холодная, надо было шапочку надеть!

Вита выбралась из постели. Кайя не пошелохнулась. Холодная тошнота и спазм в подреберье неожиданно накрыли Виту. Она тихонько приблизилась к дивану и отыскала под одеялом маленькую руку старушки. Потом легла в постель обратно, не выпуская эту холодную, сухую ручку из своей и тихо затряслась в плаче.

* * *

С врачом в домик пришла соседка и ещё какой-то незнакомый Вите старик. Соседка спокойно и деловито собирала какие-то вещи, разговаривая с врачом естественно по-латышски. Старик молча сидел за столом и читал бумаги, иногда глядя в свой смартфон и записывая что-то. Затем приехала группа людей в чёрных кос-

тюмах. Они тихо переговарили со всеми, кроме Виты. Только спросили что-то, и соседка кивнула в её сторону. Люди в чёрном поклонилась ей полукивком головы и, взяв собранный чемоданчик, понесли Кайю в машину, похожую на чёрного крокодила. Вита сидела с ногами в кресле без движения, вся белая и лишь зубы стучали мелкой дрожью друг о друга. Постепенно дом пустел, остался высокий старик. Тот закончил писать и задумчиво смотрел из окна в сад. Вита прекратила клацать зубами и трястись, постепенно согреваясь, она положила голову на свои, подтянутые к подбородку колени и бездумно смотрела на древесные узоры половиц.

Старик вздохнул, встал, взял свой табурет и пересел прямо к креслу напротив Виты.

— Мои глубокие соболезнования, — произнёс он тихо. Вы Виктория Николаева, наследница Кайи Рэндольф, как я понимаю?

— Простите, зато я ничего не понимаю. Вита устало подняла голову.

— Видите ли, я занимаюсь оформлением воли усопшей. Мы давние друзья, я юрист, давайте знакомиться: Эвальд Григорс. Я очень

рад, что вы, Виктория, появились в жизни Кайи. Кайя была счастлива в свои последние месяцы.

Вита спустила ноги на пол и сидела теперь прямо, как за школьным столом. Только руки она сложила на коленях как-то по-старушечьи.

Юрист продолжал рассказывать. Вита слушала его как аудиокнигу, слегка прикрыв глаза и не прерывая поток речи: Кайя знала, что умирает. Она отказалась что-либо предпринимать, чтобы остановить болезнь. Чтобы избавить семью от чувства, что они должны повлиять на неё и изменить своё решение, она уехала одна в дом своего детства и согласилась принимать только медикаменты, уменьшающие боль. Адвокаты в Латвии и в США подготовили по её указанию всё необходимое для её будущих похорон. Встретив Виту, Кайя стала вносить исправления в протокол. Она изменила в нём способ и место погребения, а также предназначение дома и участка земли.

— Кайя передаёт вам этот дом и сад. Мне необходимо уладить некоторые формальности, поэтому я буду вам писать и звонить. Ни о чём беспокоиться не надо, родственники уже извещены, они все прилетят сюда. О вас они знают и очень вам благодарны. Последняя воля Кайи была остаться на Родине. У ме-

ня есть письмо для вас, но я вас очень прошу не читать его сразу. Пospите, погуляйте. Вот вам моя визитка, если что, звоните.

Мужчина пожал вялую руку на Виткиной коленке, и его фигура коротко заслонила свет перед ней, затем фигура пропала и наступила тишина. Часов в доме Кайи не водилось никаких, ничто не тикало, не капало, не скрипело. Вита вышла на подмёрзшую веранду, держа конверт в руке, оглянулась на комнату с деревом, украшенном птичками и цветной пряжей, сбросила с ног войлочные тапки и пошла по саду босиком, обжигая ноги инеем и острыми стебельками растений.

* * *

На остром треугольнике земли, там, где море сливается с рекой, ветреном и обычно пустынным, группа людей в тёмных одеждах спугнула своим неожиданным появлением огромную стаю морских птиц, устраивающихся здесь на ночной покой. Люди собрались молча в кучку и птицы, покружив над мысом, стали осторожно возвращаться, обходя странных посетителей стороной.

Высокого и сутуловатого старика поддерживал мужчина лет сорока с вьющимися волосами почти до плеч, в безупречно сидящем на нём чёрном костюме. Волосы его трепал ветер, и он придерживал их характерным движением. Старик стоял в цент-

ре группки рядом с юной девушкой в чёрных джинсах и чёрной куртке с капюшоном. Женщины в шляпках и платках держали детей за руки, а те в свою очередь испуганно цеплялись за руки мам. Подростки держались достойно и взросло. Мужчины обрамляли круг, защищая своими спинами дам и детей от ветра. Чайки оценили новоприбывшую странную стаю и признали их право присутствия, потеряв перед ними страх. Мало ли каких птиц заносит на этот берег.

Круг раздвинулся, и из центра круга вышла в сторону моря фигурка в джинсах и куртке с капюшоном. Капюшон был натянут на голову и затянут под подбородок. В руках девушка держала керамическую вазу радужного цвета. Подойдя к кромке воды, почти по щиколотку в ней, девушка повернулась несколько раз явно ища ветер. Чайки заинтересованно собрались у берега и попеременно поднимались в воздух, как бы показывая новичкам, как надо ловить поток. Глядя внимательно на чаек, девушка открыла вазу и резким движением вверх и от себя вскинула её по ветру. Тот с готовностью подхватил пепельное облачко и закрутил его над водой. В какой-то момент

всем присутствующим показалось, что над водой пронеслась огромная серо-белая птица.

* * *

...Слушай ветер, слушай птиц, смотри на солнце, дыши морем, пройди босиком по снегу, ощути боль и счастье, что ты чувствуешь эту боль, живи!

Літературно-художнє видання

Г. Зитнер

**ГДЕ НОЧУЮТ
ЧАЙКИ**

(російською мовою)

Макет обкладинки та верстка

Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60х84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. № 2960

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 4

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 12.10.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів

видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл.,

м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів

видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.